

А. С. ДЁМИН

Изображение животных в «Слове о полку Игореве»

Предлагаю несколько наблюдений, наверное, отнюдь не бесспорных, об общей картине животного мира в «Слове о полку Игореве» и соответственно о мировосприятии его автора. Если начинать с элементарных упоминаний, то можно заметить, что автор «Слова» всегда обозначал один и тот же вид каждого животного, разумеется, не в биологическом смысле, а в художественном. Поэтому характеристики каждого животного, как правило, повторяются в тексте «Слова». Когда говорится, например, о волке или волках, то они серые (43, 46, 55¹) и бегущие, скачущие, рыскающие (43, 46, 47, 53, 54, 55). Различий у них нет. Соловей или соловьи — поют, издают щёкот (44, 46, 56). Сокол или соколы — прекрасно и целеустремленно летают, догоняют и бьют птиц (44, 49, 50, 51, 52, 55, 56). Галки — «говорят» или молчат (46, 48, 56). Вороны — «грают» или не «грают» (48, 50, 56). Каждый род животных в художественном отношении составляет однородную массу в «Слове», поэтому животные часто называются во множественном числе.

Эти массы животных также взаимосвязаны: соколы и лебеди (44); соколы и галки (44); птицы, волки, орлы, лисицы (46); соловьи и галки (46); враны и галки (48); чайки и черняди (55); сороки, враны, галки, дятлы, соловьи (56). Особенно активную роль играют галки, повторяясь то в одном, то в другом перечислении и сцепляя всех птиц в единый мир. Некий птичий мир мыслился автором «Слова» — недаром он неоднократно употреблял обобщающее слово «птицы» (46, 49, 51, 52, 53, 56). В различных сравнениях «Слова» активную сцепляющую роль уже играют волки. Герой действует волком и орлом (43); лютым зверем и волком (53); горностаем, гоголем, волком, соколом (55). В результате почти все звери и птицы, упоминаемые автором «Слова», художественно объединяются в цельный животный мир — «птичь... звѣринъ» (46).

Детали природы и ландшафта, сопровождающие животных, таким же способом объединяются в образ. Земля в «Слове» — это одна и та же почва, которая зловеще гудит, дрожит, стучит (47, 52, 55). Это низшая плоскость действий. По земле «растекаются», по земле сеют, земля — под копытами коней, к ней клонятся, на нее свержаются (43, 48, 49, 51, 55). Облака в «Слове» — это один и тот же род легких высоких облаков, под которыми парят, летают, веют (43, 44, 54, 55), а иногда их и пронизывают (52). Низкие облака или туманы в «Слове» — это уже «мъгла» или «мъглы» (46,

¹ Здесь и далее страницы указываются по изданию: Слово о полку Игореве / Тексты подгот. Л. А. Дмитриев и Д. С. Лихачев. Л., 1967.

53, 55). Поля в «Слове» — всегда просторные. Для героев это «великая поля», для отдельного героя это «чистое поле» (46). Через поля рыщут и несутся (44). В поле свободно скачут и далеко заходят (46, 47). По полю беспрепятственно едут и рассыпаются (46). Поля покрывают, их пытаются частично перегородить или измерить (46, 47, 55). Поле с иным эпитетом («поле Половецкое», «поле незнамо», «поле безводно») — это всегда место сражения (44, 48, 52, 55, 56). «Синее море» в «Слове» — это постоянно некий пограничный предел, отнюдь не идиллический, а больше тревожный (47, 49, 50, 51, 54, 55). Синий цвет, кстати говоря, вообще тревожен в «Слове» — синии молнии перед битвой (47), синее вино печали в мутном сне Святослава (50), синяя мгла Всеслава-оборотня (53), синий Дон как объект страстного желания, мятущего ум Игорю (44), на синем море плещет крылами Обида (49), на синем море «лелѣють месть» Руси (51), на синем море ветер неотступно, настойчиво, беспокойно качает-лелеет корабли (54).

Из всех ландшафтных деталей в «Слове» лишь «древо» менее однородно, чем остальные. То это «зелено древо», с тенью (55). То «древо» «листвие срони» и клонится, как бы увядая (49, 52, 55). А то это «мыслено древо» (44). Временами же вообще не ясно, какое «древо» имеется в виду (43, 46). Однако, хотя контуры у такого «древа» расплываются, оно все-таки представляется одним и тем же. Потому что, во-первых, слово «древо» в тексте «Слова» всегда употребляется в единственном числе. Потому что, во-вторых, это «древо» при всех обстоятельствах оказывается объектом активной деятельности, местом энергичных поступков: по нему «растекаются» и скачут, с него «кличут», под ним одевают и пр. (43, 44, 55). И потому что, в-третьих, «древо» каждый раз мыслится находящимся на дальнем рубеже от Руси.²

Обобщенные ландшафтные детали в «Слове» обильно и в разных вариациях связываются друг с другом. Особенно часто — земля, море, облака, древо, трава. В «Слове» присутствует цельный ландшафтный мир — тот, что «за шеломянемъ» Русской земли. Благодаря постоянной связи животных и ландшафта, «Слово» создает образ единого мира природы, который освещает «солнцю свѣтъ». Это неотчетливый, сложный, но именно художественный образ. Он не отражает четко отграниченную географическую и биологическую реальность. Об этом написана книга.³ Этот образ обозначает реальную природу широко, в известной мере неопределенно и очень выборочно. Вот отчего «Слово», не проявляя упорядоченности, пестрит географическими названиями от гор Угорских и Дуная до Волги и от Тмуторокани до Новгорода и Литвы. Правда, в этом животнo-ландшафтном образе, пожалуй, все же больше деталей и названий южных, степных, полевых.

Природа в «Слове» густо заполнена животными. Например, волки в «Слове» связываются помимо земли еще и с полем («вльци въ полѣ» — 46), и с яругами («вльци... по яругамъ» — 46), и с лугом («влькомъ... къ лугу» — 55). Каждая часть ландшафта в «Слове» представляется насыщенной живностью. Так, с полем связываются соколы, орлы, соловьи, галки, кречеты, враны, волки, лисицы, туры. К каждой детали ландшафта, даже мелкой, кто-то приставлен. В частности, горностаи — «къ тростию», а чайки — «на струяхъ» (55). Животный и ландшафтный мир «Слова» необычайно широк и насыщен.

² Об этом см.: Дёмин А. С. Куда растекался мыслию Боян? // «Слово о полку Игореве»: Комплексные исследования. М., 1988. С. 58.

³ Сумаруков Г. В. Кто есть кто в «Слове о полку Игореве». М., 1983.

Широкое мировосприятие автора «Слова» имело одну ограничительную особенность. Мир природы в «Слове» более всего переполнен птицами. Птицы связаны не только традиционно с небом и деревьями, но и со всеми основными частями ландшафта. С полем: «птици... въ полѣ Половецкомъ» (56; здесь имеются в виду и страна, и собственно поле), «соколы... чресь поля широкая» (44), «врани на болони» — на лугу. Связаны и с водой: «гогольмъ на воду» (55), «соколь... къ морю» (49), «дятлове... къ рѣцѣ» (56), «галици... къ Дону Великому» (44), «зегзицею по Дунаеви» (54). Птицы мельтешат или слышатся всюду. Тут и «лебеди роспущени», и «щекоть славии», и «говоръ галичь» (46), и «часто врани граяхуть» (48, 50), и «куръ Тматороканя» (54; если имелись в виду петухи), и «гуси и лебеди завтроку, и обѣду, и ужинѣ» (55), и «сороки не троскоташа» (56), и многие другие упоминания птиц, а также птицеподобных существ, например Обиды с «лебедиными крылы» (49). Даже у ветра упоминаются «крыльца» (54). Заполненность мира существами в «Слове» напоминает о «Шестодневе» Иоанна Экзарха. Но со странным различием: «Шестоднев» подчеркивает в основном рыбу заполненность мира, а «Слово» — птичью.

Рыбье преобладание объяснимо богословскими интересами автора «Шестоднева», а птичье преобладание — совсем иной спецификой мировосприятия автора «Слова». Давно уже замечено: «Автор, без сомнения, был „птицегараздом“ — птицеведом. Из всех животных он лучше всего знал птиц, их повадки».⁴ «Заптиченность» «Слова» сочетается с полным отсутствием упоминаний о рыбах. Глубины рек и моря пусты и словно безрыбны в «Слове». В лучшем случае упоминается речное дно (50, 55). Отсутствуют также упоминания о насекомых. А гад (гад ли, а не птица?) назван лишь однажды («полозие» — 56). Автор «Слова» заполняет природу, в основном степную, как раз тем, что наиболее заметно человеку, в том числе воину, вступившему «въ стремя» и едущему по степи, — прежде всего птицами, а затем и зверями. Автор «Слова» относился к природе не как богослов, не как хозяйственный деятель, не только как охотник или военный тактик, а преимущественно как «абориген». В понятие «абориген» я не вкладываю какой-либо оттенок уничижения. Я не настаиваю также на том, что автор «Слова» обязательно был уроженцем степи или иной характерной местности. В понятие «аборигенность» вкладывается преимущественно психологический смысл, подразумеваются следующие свойства писателя: он тонкий и памятный созерцатель природы; он основывается на своих личных впечатлениях; он создает как бы местную картину природы, а не рисует природу вообще; но он предпочитает давать обобщенную картину, а не частную зарисовку.

Острая «аборигенность», то есть впечатлительность от мира природы, была присуща автору «Слова», проявилась широко, и в частности дала знать о себе небывалой многочисленностью реальных цветовых и световых обозначений в «Слове». Серые волки (43, 46, 47, 55), сизый орел (43), светлое солнце (44, 55, 56), синий Дон (44), черный ворон, кровавые зори, черные тучи, синие молнии, мутные реки (47), черная земля (48), синее море (49, 50, 51, 54), багряные столпы (50), серебряные струи, синяя мгла (53), белый гоголь, зеленая трава, серебряные берега, зеленое дерево, темный берег (55). Эти цветообозначения сохраняли реальное содержание, а не стерлись в условные топосы. Оттого они образовали гармоничные цветные сочетания во фразах. Серое с серым: «сѣрымъ вълкомъ... шизымъ орломъ» (43). Черное с серым: «чръныи воронь... сѣрымъ вълкомъ» (47). Красное,

⁴ Шарлемань Н. В. Природа в «Слове о полку Игореве» // Слово о полку Игореве: Сборник исследований и статей. М.; Л., 1950. С. 217.

черное, синее: «кровавыя зори... чръныя тучя... синии мльнии» (47). Зеленое и серебряное: «зелѣну траву... сребреныхъ брезѣхъ... подѣ сѣнию зелену древу» (55). В «Слове» обильны еще цветковые обозначения лишь воинских предметов: червленые щиты (46, 47, 53), «чрълень стягъ, бѣла хорюговъ, чрълена чолка, сребрено стружие» (47), «златымъ» шеломомъ посвѣчивая» (47), золоченые шлемы (52), золоченые стрелы (56). Отсюда и сочетание природы и войны, то есть памяти «аборигена» и воина, — кровавая трава (53), кровавый берег (54).

Не заимствовал ли откуда-нибудь автор «Слова» подобную, редкую для Древней Руси манеру изложения? Из всех известных нам памятников той эпохи богатой «цветностью» повествования отличается «Хроника» Константина Манассии, особенно в начальных главах о сотворении мира и животных. Но «Хроника» Манассии была переведена на болгарский язык в середине XIV в., а на русский — в начале XVI в.; она не могла непосредственно повлиять на «Слово о полку Игореве». При всем том между «Хроникой» и «Словом» наблюдается целый ряд перекличек в темах и мотивах, во фразеологии и лексике, притом редкой (это предмет отдельного исследования). «Хроника» была составлена Манассией не позднее 1187 г. (как и «Слово»?). Хронологическим совпадением, вероятно, подсказывается разгадка эпизодического сходства «Слова о полку Игореве» с болгарским переводом «Хроники» Манассии. Оба произведения, по всей вероятности, использовали общий фонд литературных средств византийской литературы, в том числе и «цветность» в изображении природы. А болгарский перевод и «Слово» имели общую фразеологическую основу в староболгарской литературе.

Но и тут автор «Слова» удержал своеобразие. Большинство носителей цвета у него не те, что у Манассии. Например, у Манассии нет черной земли и черных туч, нет белого гоголя или иной белой птицы, нет зеленой травы и зеленого древа и пр. У автора «Слова» как раз больше окрашена природа, а у Манассии — быт. Автор «Слова» называет цвета, которые отсутствуют у Манассии, — «сѣрый» и «шизыи» (в применении к волкам и орлу). Кроме того, он гораздо чаще употребляет обозначения цветов, редких или редкостных у Манассии: «чрънии», «синии», «сребренни» и «зеленни». Не «аборигенна» ли такая сдержанная гамма цветов у автора «Слова» и их большая примененность к природе сравнительно с пряной яркостью, но в основном быта, в «Хронике» Манассии?

«Аборигенность» мировосприятия автора «Слова» объяснимо еще и то, что он «никогда не вводит в свое произведение иноземных зверей. Он реально представляет себе все то, о чем рассказывает и с чем сравнивает. Он прибегает только к образам русской природы, избегает всяких сравнений, не прочувствованных им самим и не ясных для читателей».⁵

Образ животного мира создается в «Слове» и тогда, когда автор прямо описывает сборища животных. Вот эпизод: «Игорь къ Дону вои ведеть. Уже бо бѣды его пасеть птицѣ по дубию, вльци грозу въсрожать по яругамъ, орли клетомъ на кости звѣри зовуть, лисици брешуть на чръленья щиты» (46). Перечень животных имеет зловеший смысл («бѣды», «гроза», «на кости») и содержит пространственный оттенок как бы одновременного окружения войска, идущего по полю, стаями различных птиц и зверей, которые кроются поблизости, «по дубию» и «по яругамъ», появляются перед червлеными щитами и готовы броситься «на кости». И этот образ нетрадиционен. В фольклоре множество животных не собирается в единое место, а, наоборот,

⁵ Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» // Слово о полку Игореве. Л., 1990. С. 40

разбегается по своим местам, как, например, в древней былине «Вольга». И вот какие их места:

Уходили все рыбы во синии моря,
Улетали все птицы за оболока,
Ускакали все звери во темный леса.⁶

Мировосприятие автора «Слова» — более многопредметное и явственно «степное».

Правда, в книжности все же изображалось зловещее окружение людей животными, однако его обычно составляли змии, скорпионы, аспиды, ехидны, василиски. Автор же «Слова» полностью сменил книжных животных на местных, то есть опять проявил вкус «аборигена».

⁶ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. 4-е изд. М.; Л., 1950. Т. 2. С. 537.